

Русская в Швеции

Юлия Пташкина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Пташкина

Русская в Швеции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72218575

SelfPub; 2025

Аннотация

Она уехала в поисках приключений, нового опыта и новых друзей. Получив всё, о чём мечтала, она совершенно неожиданно осознала банальную истину том, что главное – обрести себя.

Будни иммигрантов, европейские законы и особенности менталитета – с чем только ни сталкивалась героиня, рванувшая в совершенно другой мир одна, оставив семью, работу, дом и страну. Непредсказуемые события, неожиданные встречи и совершенно невероятные знакомства – первая книга о рискованной аванюре русской девушки, решившей покорить Европу.

Содержание

Откуда дует ветер	4
Тюльпаны и фонари	8
Обо мне	10
Собес	13
Лариса	17
Выбор	21
Выбор сделан	23
Агент 1	26
Легенда	31
Узбекистан	34
Оппозиция	38
О жирафах	42
Автобус 1	45
Питер	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юлия Пташкина Русская в Швеции

Откуда дует ветер

Всё началось со стажировки в Нью-Йорке. Я была молодой, беззаботной студенткой – как, пожалуй, абсолютно все студенты, – которая в совершенстве знала английский. Языком я занималась с детства, легко и с удовольствием побеждая на городских и областных олимпиадах. В оригинале смотрела кино и читала книги. Как бы это ни было парадоксально, именно поэтому я не стала поступать в университет на факультет иностранного языка после школы. Так мне посоветовала моя учительница по-английски: «Сейчас одного языка мало! Ты итак его знаешь!». Забегая на много лет вперед, могу сказать, что Ирина Григорьевна оказалась сто раз права. За что я её часто вспоминаю добрым словом. А также за то, что она упорно со мной занималась, развивая мои очевидные способности и стремления. Поступать же я решила на физмат. Английский действительно был и есть всегда со мной всю жизнь, помогая и в путешествиях и в работе и в общении, формируя таким образом многие завитки моей ажурной биографии.

Именно благодаря своему увлечению английским на четвертом курсе университета – низкий поклон родителям – я отправилась в США по программе студенческого обмена. Проработав там официанткой в детском лагере целых два лета подряд, я загорелась идеей попасть за рубеж ещё. Некоторых людей такие поездки никак не меняют и вообще не затрагивают, как было с моей первой соседкой по домику в лагере. Она за все наше время в Нью-Йорке купила себе одну майку за восемь долларов. Я возвращалась с огромным чемоданом новых зарубежных вещей, техники и всяких безделушек. Чемодан размером с Нью-Йорк мне пришлось тоже купить там, чтобы вместить все мои дурацкий американские сувениры.

Чтобы вместить все впечатления, истории и эмоции, которыми я обрастала в этих поездках, не хватило бы и тысячи таких чемоданов. Они занимали пространство моего ума и сердца, громоздясь в хаотичном порядке, грубо сталкивая прежних жителей и довольно беспардонно скидывая с пьедестала некоторые прежние установки, понятия и границы. Хаос становился более упорядоченным спустя какое-то время, когда мои новые впечатления наконец размещались по полочкам, мирно соседствуя с прежними чертами характера, убеждениями и историями.

Что и говорить, меня эти приключения серьезно захватывали и, выражаясь айтишным языком, перепрошивали. Когда живешь бок о бок с совершенно другими людьми в новой культуре, крутишься в необычных бытовых условиях и привычках иностранцев, когда вокруг все отличается от привычных домашних атрибутов, когда ты вынужден даже думать на другом языке, то твои заводские настройки сбиваются и однозначно расширяются. Мои-то точно конкретно съехали. Я, будучи, видимо, очень впечатлительной, словно губка, с жадностью поглощаю новые эмоции, картинки, явления и всё, что мне интересно. Если верно высказывание, что человек в любом, даже трехдневном, путешествии проживает маленькую жизнь, то вы можете представить, что означало для молодой, открытой для нового девушки целых три-четыре месяца. Я возвращалась из этих стажировок другим человеком.

Как результат, желание ещё раз уехать за границу заполнило всю меня. Однако, студенческих программ больше не было, ведь я закончила свой университет. И, ожидаемо, спокойно вернуться к привычной жизни в своей провинции не смогла. Увидев Америку, я решила, что теперь должна покорить Европу – все-таки ближе. Как говорила моя мама: «Загорелись в попе угли». Только в слове «попа» первой шла буква «ж». У нас вообще своеобразное семейное чувство юмора.

Закончив студенческую жизнь с красным дипломом, я была вынуждена пойти на работу в комитет соцобеспечения, ту самую организацию, которая называлась советским старомодным словом «Собес». Раньше об этом заведении я могла слышать разве только от своей бабушки. Однако, чтобы туда попасть, родители заплатили взятку, которая была даже больше чем моя копеечная зарплата. Оказавшись в непривычном коллективе тетушек, перекладывая бумаги с места на место, скучая и абсолютно не вписываясь в эту организацию, я постоянно мечтала. Каждый день я перекапывала интернет в поисках программ, курсов, стажировок, работы, мужчин, друзей в Европе. Физически работая не по специальности в бюджетной, насквозь бюрократической организации, погрязшей в бабushках, душой и мыслями я целыми днями гуляла по улицам Амстердама.

Тюльпаны и фонари

Почему именно Голландия... Однажды я вышла в популярный тогда скайп, и ко мне по-английски постучался какой-то парень со странным ником. Мы познакомились и начали регулярно общаться. Все бы ничего, но наше общение было на грани сумасшествия. Я вообще ценю людей с чувством юмора, а у моего нового знакомого было самое невероятное чувство юмора на свете – по крайней мере на тот момент так мне казалось. И наши разговоры по видео или переписки напоминали комедию, драму и мелодраму одновременно. Столько эмоций, сколько я испытывала с ним, я пока ещё не испытывала ни с одним человеком в реальности. Как вы, наверное, уже поняли, парень был из Голландии.

Я не могу сказать, что я собиралась ехать туда только из-за него, ведь мечта уехать овладела мной ещё до нашего знакомства. Однако с его появлением в моей жизни европейское направление стало чуть более конкретным и заиграло новыми красками. Красками, которые, например, окрашивают тюльпаны в этой стране в столь яркие и причудливые цвета, что они собирают толпы туристов со всего света. Красками, которые однозначно обозначают ту самую улицу того самого квартала, которая тоже делает Амстердам всемирно

привлекательным.

Правда, ни фонари ни тюльпаны не влекли меня так, как один важнейший статистический факт. Полистав статьи об этой стране, я поняла, что я должна ехать именно в Нидерланды – вы, конечно, в курсе, что Нидерланды и Голландия это одна и та же страна, верно? – даже если бы мой новый знакомый с отменным чувством юмора жил не там. Дело в том, что именно там живут самые высокие мужчины в мире.

Обо мне

Самое время немного описать главную героиню этого рассказа – девушку Юлю, то есть меня. Кроме того, что я знаю английский и закончила физмат с отличием, важно упомянуть, что я высокая. И для девушки ростом метр восемьдесят страна, набитая высоченными мужчинами, представляется гораздо привлекательнее страны со среднестатистическими людьми. Например, меня совсем не манит и не заманит Малайзия... При всем уважении к азиатам и их бурному прогрессу. И к их долголетию. И еще к их способности выглядеть в восемьдесят лет на сорок...

Так вот, средний рост голландцев казался мне достаточно веским поводом начать собирать чемоданы именно в эту страну. Мой скайп-друг тоже был высоким – сто восемьдесят пять сантиметров. Нет, я, конечно, не была помешана на росте и с удовольствием общалась с парнями и ниже. Но, давайте признаемся честно, если ОН выше – это приятно. Ведь встретить мужчину, который был бы выше, гораздо сложнее, если у тебя рост сто восемьдесят, и гораздо легче, если у тебя рост сто шестьдесят. Это обычная статистика. По образованию я, ко всему прочему, была наполовину математик. На вторую половину я программист. С красным дипломом,

как вы помните. Итак, уродившись высокой блондинкой, я успешно компенсировала своего внутреннего программиста внешностью Шарлиз Терон. Как вы понимаете, в моей книге я могу о себе говорить как очень хорошо, так и очень плохо, сейчас именно первый случай. Разве не для этого пишут книги?

Ладно, может и не совсем Шарлиз Терон, но и не Чарли Чаплин тоже. Длинные ноги, голубые глаза, пухлые губы, стройная фигура, правда чуть подрасплавшаяся после американского фастфуда, – всё это было при мне.

И вот русская почти-Шарлиз, я не только крутила виртуальный веселый роман с сумасшедшим голландцем, который смешил меня до слез. Я без всякого стеснения с совершенно невинными помыслами знакомилась с другими голландцами в «аське» и скайпе, искала стажировку по обмену, работу няней, уборщицей, волонтерство в зоопарках и ещё сотню легальных и не очень вариантов устроиться в стране красных тюльпанов и фонарей. Я штудировала уже существующие в то время форумы, став в скором времени большим специалистом по проблемам и особенностям жизни сваливших за рубеж, в частности, соотечественников.

Я уже порядком надоела родителям со своим нытьем и тоской от максимально не подходящей мне – как я тогда ду-

мала – работы, города и страны. Я чувствовала себя как выброшенная на берег рыбка, которой срочно необходимо попасть обратно в родную среду обитания. Они уже были не рады, что я вообще вернулась из Америки – так сильно я им надоела. Я и себе самой осточертела, если быть откровенной. Разрываемая на несколько частей реальностью, мечтами и воспоминаниями, я не находилась полноценно ни тут ни там.

Собес

В ежедневной реальности я всё еще трудилась в этом Собесе, будь он неладен. Когда я проработала на этой каторге уже пару месяцев, внезапно я встретила маму своего одноклассника, которая остановила меня как раз по пути из очередного банка, куда я относила рабочие документы. Она расспросила меня, чем я занимаюсь, увидела мое не очень довольное лицо и, зная, что я всегда везде была отличницей, спросила меня, не хочу ли я работать в МЧС. Сама она была там руководителем какого-то отдела. Знала она меня хорошо, потому что с её сыном мы не только учились вместе в университете, но вместе были и в детском саду и в одной из школ попали в один класс. Так уж случилось, что с Андреем мы всю жизнь пересекались, меняя при этом по несколько школ, и в итоге оказавшись даже на одной студенческой скамье. При таком количестве совпадений, можно было предположить – и кто только за нас ни предполагал этого за всю нашу жизнь —, что это судьба и нам остается только пожениться. Но мы были исключительно друзьями, всю жизнь хорошо общаясь. Никому из нас ни разу не пришлось в голову перейти дружескую черту – мы просто друг другу не подходили, плюс у Андрюши всегда были другого типа девушки – примерно в два раза ниже меня. А у меня тоже всегда кто-

то был.

И вот сейчас его мама предлагала мне работу в министерстве самых что ни на есть чрезвычайных ситуаций. Это было совсем не похоже ни на Голландию, ни даже на Швецию. Но звучало это гораздо круче, чем старушечий Собес, где мои обязанности сводились к перемещению документов на разные расстояния: от соседнего стола до соседнего банка. Который, как вы уже заметили, надоел мне до такой степени, что я, такая пушистая и покладистая, уже начала хамить своей вздорной начальнице.

Выбирая из двух зол меньшее, я рассудила, что, по крайней мере, в МЧС должно быть поинтереснее. Мечты уехать пока оставались лишь мечтами, которые я не знала как реализовать, несмотря на то, что я стала мощным экспертом по вопросам эмиграции в страну красных фонарей и тюльпанов.

С мамой моего одно-группника-классника мы обменялись контактами, и я обещала подумать. Сообщив новости родителям, я увидела в их глазах предсказуемую для меня надежду на то, что я приму это предложение и стану, наконец, жить нормально.

В этом я уверена не была, но из Собеса я твердо реши-

ла уйти. И, написав заявление на увольнение, начала проходить медкомиссию в МЧС. По крайней мере, я покину царство рутины и чувство абсолютной бесполезности. Для молодой девчонки, которая витала в зарубежных мечтах, это было невыносимо. И когда я уже была на этапе сдачи анализов, совершенно неожиданно, как это бывает в таких роковых случаях, на улице я встретила одну давнюю знакомую, которую не видела лет сто. Разговор почему-то зашел про путешествия, и каким-то странным образом всё свелось к тому, что она в каком-то турагентстве видела программу по переселению в Швецию.

Эти спонтанные встречи на улице за последние пару недель оказывались для меня очень значимыми и меняли направление всей моей жизни – как тут не поверить в судьбу и волю случая? А если бы я прошла там пятью минутами позже или раньше? Кто знает, может быть, я бы до сих пор работала в том же Собесе, только на должности заведующей по проверкам никому непонятных документов.

Услышав вскользь оброненное слово Швеция, я перестала дышать. Мой мозг лихорадочно начал вспоминать все, что я когда-либо слышала об этой стране. Швеция? Тут же в голове, будто в проекторе, всплыла карта и примерное расположение Скандинавского полуострова. Она явно располагалась достаточно близко к Голландии. Главное, что мне уда-

лось выудить из моих ограниченных на тот момент познаний о Скандинавии – это то, что Швеция – однозначно часть Европы. Какая-то северная и цивилизная по внутреннему ощущению часть. Я также никогда не слыхала, чтобы шведы отличались карликовостью. С моей знакомой я закончила светский разговор и на следующий день я уже была в этом агентстве.

Лариса

Там меня встречала сама хозяйка туристической фирмы. Ухоженная, активная, и, сразу понятно, что очень предприимчивая женщина, назовем её Лариса – а мне кажется, все Ларисы априори предприимчивы – предложила мне кресло и, когда я озвучила свою заинтересованность в Швеции, начала рассказывать мне об этой чудесной программе.

Итак, без подробностей, которые Лариса пока придерживала, выглядела эта история следующим образом. Человек приезжал в Швецию по обычной туристической путевке, там его встречали и провожали до места назначения люди, которых Лариса загадочно называла «агентами». Что за место назначения, было пока неясно. Эти же «агенты» его сопровождали по необходимости на всем протяжении его пребывания в стране. Детали Лариса умело вуалировала размытыми формулировками. Швеция платила приезжему пособие – по нашим деньгам это было около двенадцати тысяч рублей в месяц – и предоставляла жильё. Лариса заверяла, что у нее уже было много людей, которые воспользовались её услугами и счастливо жили там уже несколько лет. Она рассказала, что все в восторге, что это развитая цивилизованная страна, что там настолько замечательное отношение к приезжим, что

– ты представляешь! – им просто так дают деньги и крышу над головой. Живи – не хочу. Какой слабоумный может от этого рая отказаться?

Мы договорились, что я обдумаю и после принятия единственно верного решения, она расскажет мне все подробности операции. Я ушла, загруженная информацией для размышления. Стоило все удовольствие около тридцати тысяч рублей. По тем временам таких денег у меня не было – в моем несчастном собесе платили семь тысяч рублей в месяц, а в МЧС я ещё не попала. Хотя зарплата во всех наших государственных конторах для начинающих специалистов была – вы сами понимаете.

Я поспешила домой, чтобы вывалить новые вводные моим очень терпеливым родителям. Прослушав информацию, взявшись за голову, они не наорали на меня, не избили – а, может быть, и стоило бы – они ОЗАДАЧИЛИСЬ. В определенный период жизни, после подгузникового периода и перед периодом появления внуков, основной функцией детей становится подкидывание несчастным маме и папе ЗАДАЧ. Разной сложности. Мои родители, похоже, окончательно смирились с тем, что нормально жить я не смогу.

Как вы уже догадались, я сама уже практически приняла решение, сменив название своей мечты с Голландии на Шве-

цию. Мне было уже неважно, наверное, на тот момент меня бы устроила любая европейская страна. Ловко переобуваться на ходу бывает порой очень удобно.

Пока родители переваривали мой новый запрос, я оперативно переместила область моих интересов чуть севернее и тут же завела себе кучу виртуальных друзей-шведов – сейчас я даже не могу вспомнить, где и как я так легко находила людей в других странах. Аська, скайп – почему-то раньше там было легко завести себе знакомства в любой точке мира. А сейчас миллион мессенджеров, соцсетей, а найти реально только ботов.

После тяжелых, но недолгих размышлений, приправленных моей воодушевленной агитацией, родители обреченно объявили мне, что готовы заплатить за эту авантюру. Но для успокоения совести продолжали убеждать меня одуматься и устроиться в МЧС по специальности. Уверяли, что мне там понравится, это хорошая – «приличная!» – работа. Что я найду себе мужа и буду жить нормальной жизнью. Слушать про мужа мне было вообще смешно, вот уж кого пока не было в моих планах совсем, несмотря на довольно преклонный – двадцать три года – возраст. В этом возрасте, к слову, моя мама уже меня родила. Чем это обернулось спустя те же двадцать три года – вы и сами видите.

После получения их согласия я впервые осознала, что моя мечта может наконец перестать быть мечтою. Больше года я жила на два фронта. Я болела своим нереализованным желанием, страдая и ощущая себя чуждо и на работе, и дома, и на улице. В целом, я тогда не видела себя на Родине, чувствуя себя чужой, «не такой как все», само собой разумеется. Живо помня, как мне было здорово, весело и легко в Америке, и ощущая всю тяжесть своего положения в том же комитете, я лишний раз убеждалась, что это не моё. Я была уверена, что дело именно в окружающей действительности. Стоит сменить её, и все сразу станет на свои места. Я была будто бы деталью из другого пазла.

Выбор

После получения тягостного родительского благословения время остановилось, мысли стали вязкими. Передо мной был выбор, который должен был определить мою дальнейшую судьбу. Швеция и неизвестность или Россия и МЧС – такие противоположные альтернативы стояли перед неокрепшей, очарованной вольной жизнью за рубежом, душой.

Лучшая подруга, с которой я, наконец, аккуратно поделилась своими планами, покрутила у виска. Ещё одна знакомая доверительно прошептала мне, что ей доподлинно известно, что из Швеции возят проституток в Великобританию. Мягко говоря, однозначной поддержки моей затеи не проявил никто.

Часто потом я буду вспоминать эти муки выбора. Когда необходимость принять решение застает тебя врасплох, а хочется, чтобы никакого выбора не было вовсе, чтобы кто-то решил все за тебя. Почему никто не гарантирует, что вот в этом случае будет правильно и хорошо? «Налево пойдешь – коня потеряешь, Направо пойдешь – жизнь потеряешь, Прямо пойдешь – счастье найдешь». Так вот она какая, взрослая

жизнь? Необходимость определиться доставляла мне буквально физическую боль. Не было никакой уверенности или гарантий, что мне понравится, что я смогу, что все пройдет хорошо. Не было ничего, кроме азарта, тяги к приключениям и огромного желания сменить обстановку. В те юные годы я еще жила по принципу «Лучше жалеть о том, что сделал, чем о том, чего не сделал». И, несмотря на то, что я честно пыталась взвесить все возможные «за» и «против», подсознательно я приняла решение еще в тот момент, когда услышала о Швеции от своей случайно встреченной знакомой.

Выбор сделан

Мы отправились к Ларисе – я со своей твёрдой решимостью и мама – с тридцатью тысячами в кошельке. После внесения части суммы и подписания договора с размытыми и непонятными нам условиями Лариса наконец приоткрыла детали предстоящей операции.

Мне предстояло взять обычный автобусный тур по с обычной Шенгенской визой в Европу из Санкт-Петербурга, доехать с экскурсионной группой до Стокгольма и там остаться. Дальнейшая траектория моих спутников по путешествию меня уже не должна была интересовать. В Швеции меня встречал агент Ларисы – она так и называла их: «Агент», – и провожал меня до миграционной службы, куда я приходила и просила дать мне политическое убежище. Шведы меня принимают, как беженца, дают мне жильё, платят мне пособие, я живу и наслаждаюсь всеми прелестями европейской реальности. Вот и все.

«Политическое убежище?» – одновременно задали мы с мамой естественно возникший у нас вопрос. «Не волнуйтесь, детали вашей легенды вам расскажут» – уверенно гасила любые наши опасения Лариса.

Детали мне должен будет рассказать Владимир. Оказалось, в это самое время на Родину из самой Швеции приехал ещё один «агент» – бывалый мигрант и европейский беженец Володя, тоже прошедший программу Ларисы. Он знакомит меня с легендой, по которой шведские власти должны были меня признать беженкой. И еще он посвятит меня в детали жизни в стране из первых уст. Его консультация, к слову, стоила кругленькие сто евро и в цену всей программы не входила.

Насколько это мероприятие было на самом деле рискованно, я осознала лишь спустя несколько лет. Но тогда, убежденная уверенными аргументами Ларисы, я об этом даже не задумывалась. Человек склонен доверять всему, когда ему очень хочется верить. В конце концов, я находилась в офисе официальной компании, подписывала какие-то настоящие договора с подписями, печатями и умными юридическими формулировками, а не в подворотне брала какой-то сомнительный тур у сомнительного человека. Весь этот антураж, безусловно, лишает человека бдительности и выключает напроць любые сомнения и волнения. Особенно, когда человек сам не очень хочет искать подводные камни на дороге к своей мечте. Хотя я, к слову, была в таком ажиотаже от предстоящей авантюры, что я бы, пожалуй, согласилась на любую авантюру, даже если бы поездку в Европу пообещал

мне алкаш в ближайшем дворе за бутылку.

То, что я нарушаю визовый режим, то, что я выдаю себя за кого-то другого, то, что мне будет трудно потом вернуться домой – Лариса не упомянула. На любой вопрос она убедительно отвечала, что все будет хорошо, у нее полно положительных примеров. Вопрос с возвратом домой больше, конечно, интересовал маму. Лариса заверила, что это все решается. А подробнее, опять же, расскажет специалист по возвращению домой Владимир.

Все мосты были сожжены, я позвонила в МЧС и, поблагодарив за предложение, отказалась, что-то придумав про личные причины и прочую вежливую лабуду, которую в таких случаях говорят все более-менее воспитанные люди.

Агент 1

Упомянутое Ларисой много раз слово «агенты», стабильно возникающее в её речи, сразу вызывало в воображении людей в строгих костюмах и черных очках, которые будут охранять мою безопасность и обучать меня всяким шпионским фокусам. Я ожидала как минимум 007. Если бы он был похож на Пирса Броснона или Шона Коннери, я бы тоже не возражала.

Пока мои документы отправили на получение визы, я отправилась на встречу с первым в моей жизни «агентом». Все мои ожидания разбились вдребезги, как только в офисе у Ларисы я увидела обычного мужичка лет сорока-пятидесяти, настолько непримечательного, что я вначале понадеялась, что это просто сантехник. Но Лариса представила нас. К моему разочарованию, мой агент 007 был настолько далек от Джеймса Бонда, насколько далеки от него любые дворовые мужики, которые пьют пиво и едят семечки у подъезда любой хрущевки. Он выглядел как работяга, сменами вкалывающий на заводе где-нибудь в глухой провинции. Если бы меня заставили его описать полиции, я бы ничего не смогла рассказать: средний рост, телосложение, глаза, волосы, – весь такой усредненный мужчина. Быстро придя в себя

и смирившись-таки с его внешностью, я, конечно, вежливо поздоровалась.

Он представился Владимиром, уточнив, что это лишь одно из его многочисленных имен, которые он менял так часто за всю жизнь, что уже сам не помнит свое настоящее.

– Можешь меня называть как угодно.

«Хорошее начало», – подумала я, усаживаясь.

Он тоже когда-то уехал в Швецию, сдался там в беженцы и с тех пор живёт то в самой в Швеции, то в соседних европейских странах – и так уже ни много ни мало пятнадцать лет. Вернулся на родину временно, в связи с тяжелой болезнью пожилого отца.

Сначала он затронул некоторые особенности жизни скандинавов, которые для нас казались дикими. Например, шведские помойки на наши совсем не похожи и скорее напоминают магазины, чем свалки. Там абсолютно незазорно и реально найти хорошие вещи, мебель и даже бытовую технику с электроникой. Работающие телевизоры, приличные диваны из Икеи, вещи в идеальном состоянии, всё отсортированное по контейнерам. Сами шведы без всякого стеснения затаривались новой одеждой, мебелью и предметами быта именно на мусорке. Это не считалось стыдным даже для

обеспеченных людей, даже наоборот. Помешанные на экономии и экологии люди старались жить скромно и не захламывать ни жилье, ни город, ни планету в целом..

Потом я лично убедилась, что это действительно так. Шведы старались съедать мусор. Если бережливость и забота об окружающей среде – это общеевропейские качества, то желание быть как все и не выпендриваться настолько сильное, что отправляло вполне состоятельных шведов на помойку – было связано именно с национальным менталитетом. Сугобо шведская фишка – принцип достаточности «lagom» во всем – пронизывал всю их жизнь, привычки, поведение и выбор одежды. В этом я тоже убедилась сама позже, когда стала частью этой жизни. Мне так и не стало достаточно, я продолжала по-русски выпендриваться. Но об этом потом.

Меня пока больше всего беспокоил вопрос с документами, потому что Лариса вскользь обмолвилась, что мой российский паспорт лучше отправить из Стокгольма обратно родственникам через службу доставки или попросить это сделать пресловутого «агента». Это противоречило её же наставлениям не доверять и не рассказывать о себе никому, включая её же сотрудников. Меня, разумеется, смущала необходимость отдавать единственные документы постороннему человеку. Владимир в ответ на мои опасения посоветовал

товал мне паспорт порвать и уничтожить. «Можешь съесть или сжечь», – весело раздавал мне советы мой новый гуру эмиграции. «А как же я вернусь?», – я все-таки хотела иметь уверенность в том, что возможность приехать домой на случай любого форс-мажора будет доступна.

«А как я вернулся? У меня давно нет паспорта». Очень обнадеживающе, спасибо, Владимир. Понятно было, что он тот ещё пройдоха, и на всяких зарубежных махинациях съел не одну собаку.

Оказывается, можно путешествовать без паспорта. Я быстро смекнула, почему. Все верно, рассеянный турист вполне может потерять документы, или их могут у него украсть в очереди на очередную достопримечательность. Что он делает тогда? Он обращается в посольство своей страны и, возможно, местную полицию. Там ему выдают справку, которая заменяет ему паспорт при въезде на родину. Так Владимир и делал, правда, всегда из какой-то третьей страны-посредника. То есть жил в Швеции, а улетал из Польши, например. Возвращался в Европу уже с новым паспортом, который он предварительно сварганил в отечественных органах. Процедура тоже рутинная – забывчивые люди без конца теряют паспорта, в том числе и на Родине.

Главной задачей консультации локального Джеймса Бон-

да была моя так называемая легенда – история о том, что именно меня привело в Швецию.

Легенда

Для того, чтобы получить статус беженца, нужно было «сдаться» в соответствующие органы – «Migrationsverket» или миграционную службу – то, что местные русскоговорящие по-домашнему называли «Миграшка». Убежище – это по-шведски «asyl», поэтому русские беженцы называли себя и всех приезжих ласково – «азюлянты».

Пока все логично. Естественно, люди столетиями бежали из стран, в которых проводились военные действия или случались природные стихийные явления. Согласно конвенции ООН, принятой в 1951 году, страны-участники этого соглашения обязуются принимать определенное количество беженцев у себя в стране. Частью прав беженцы пользуются наравне с гражданами принимающей их страны, частью – на тех же условиях, что и иностранцы. Конвенция допускает высылку беженца в интересах государственной безопасности, но запрещает их отправку обратно в государство, в котором им угрожает опасность. Насколько действительно человеку грозит опасность, нужно, безусловно, доказывать. Вот этот нюанс и был ключевой лазейкой и кульминацией абсолютно каждой душещипательной легенды мигранта.

Естественно предположить, что, экстренно спасаясь от

войны или землетрясения, люди не всегда имели возможность взять с собой документы. Поэтому «сдаваться» можно было без документов вовсе. И эта лазейка открывала огромное поле для творчества пребывающим сплошным и непрерывным потоком со всех сторон света настоящим и фейковым беженцам. Тысячи бежавших без паспортов и с причудливыми биографиями людей ежедневно просачиваются через дырявый европейский кордон. Многие из них успешно оседают и становятся почти-шведами, почти-французами или почти-голландцами.

Жилье и пособие этим беженцам обеспечивает радушная и бесконечно добрая Организация Объединенных Наций. Конечно, условия принятия беженцев в Швеции и, скажем, России, мягко говоря, отличаются. Поэтому совершенно поразному живут «гастарбайтеры» в разных уголках мира. И очень многие из них целятся именно в Европу.

Закончив краткий историко-политический ликбез, Владимир перешел ко мне. Хорошо, что я сидела, когда он сказал, под каким соусом я, собственно, буду просить политического убежища. Оказывается, сдаваться мне придется под таким соусом, будто я сбежала из ... Узбекистана.

Вам не показалось, и мне не послышалось. Он назначил меня – молочно-белую девушку с голубыми глазами, светлы-

ми волосами, типичнейшую из самых типичных славянок – беженкой из Узбекистана. Я с сомнением смотрела на него, пока в моем мозгу фоном мелькали длинные яркие одежды, платки на голове и кареглазые брюнетки с пловом в руках. Я замерла в ожидании, что следующим пунктом он предложит мне покрасить волосы, глаза и кожу.

Но в этот раз менять внешность мне не придется. Оказывается, мой русский антураж был как нельзя кстати в свете моей вновь открывшейся восточной биографии. Ведь именно благодаря – а скорее вопреки – своей очевидной национальной принадлежности меня начали преследовать коварные узбекские власти.

С любопытством, подогреваемым заплаченными мной стами евро, я внимала подробности своей новой биографии.

Узбекистан

Я родилась в Самарканде у вполне русских родителей, которые – как действительно нередко случалось в те времена – прибыли туда с просторов необъятного Советского Союза по распределению в восьмидесятых. Они, как водится, там познакомились, поженились, родили девочку. Назвали Юлей – ну или как-нибудь иначе, это мне еще предстояло придумать. История более чем реалистичная, и таких историй из братских государств наверняка было много. Советские программы распределения поженили не одну пару. И здесь не могло быть никаких вопросов. Такое могло случиться, ничего фантастического не было, поэтому пока ничего меня не смущало. Не должно было смутить и шведские власти.

Владимир остановил повествование, внимательно взглянул на меня и предложил мне изменить имя. Естественно, если сдаешься с липовой историей, то не под своими паспортными данными. Я побоялась менять имя, подумав, что новой фамилии будет достаточно. Но Владимиру я обещала подумать. Ему мои будущие имена, фамилии, явки и пароли точно ни к чему.

Мы продолжали. Росла советская девочка в красивом и

жарком городе Узбекистана, ни слова при этом ни ферштейн по-узбекски. Появлялся следующий закономерный вопрос. Как же так может быть, Володя?

– Вы жили русской общиной, ходила ты в русскую школу, и вообще узбеков почти и не видела до подросткового периода, – разругил все мой наставник.

«Допустим», – я с любопытством слушала невероятные детали моей биографии. Я подросла и начала дружить с довольно радикально настроенной молодежью. Они были против режима Ислама Каримова – на тот момент президента Узбекистана. Наглые детки выражали недовольство его тоталитарным режимом правления и тем, что русские притеснялись. Очевидно, потому что в то время у детей еще не было телефонов. Примкнув к неправильным друзьям, я стала частью оппозиционного движения. В рамках которого мы собирались небольшими компаниями, обсуждая смелые антиправительственные идеи. Так-то наши сборища были мирными, имели место только листовки, плакаты и легкая агитация. Никто никуда не выходил, не скандировал и даже ничего не поджигал.

Политика и любые общественно-политические движения всегда были настолько далеки от меня, что вкупе с выдуманной историей рождения все казалось максимально нереалистичным. Может быть, это было и хорошо, чтобы врать было

легче.

Однажды добрались до наших мирных посиделок местные милиционеры. На минуточку, в те времена даже намек на неодобрение действующей власти в солнечном Узбекистане грозил наказанием. Нас повязали, в том числе и меня, увезли куда-то и, как рекомендовал мне мой агент, здесь лучше было бы добавить, что меня шантажировали и даже изнасиловали. Но это дело личное, добавлял мой гуру. Главное, что обращались со мной не по закону жестоко. А именно требовали прекратить всякую неуютную правящему режиму деятельность и назвать главных зачинщиков и руководителей этого движения. Если я не соглашусь на их требования, они обещали расправу надо мной и моей семьей.

Разумеется, при таком раскладе даже более смелый человек, чем я, захочет прежде всего спасти себя и семью. Меня загнали в безвыходную ситуацию. Я видела такое в кино. И зачем я только смотрела столько ментовских сериалов? С моей живой фантазией у меня начали шевелиться волосы на затылке от того, что такое действительно могло происходить в реальности. Тем временем, находясь в заложниках у жестоких, периодически пытающих меня людей, я понимала, что у меня нет выхода. Они все же вынуждены были меня отпустить, так как предъявить мне было нечего. Но обещали, что я на свободе ненадолго. Они за нас взялись. Полу-

чается, меня поставили в тупиковое положение: моей семье угрожали, мне тоже. Я понимала, что меня не оставят в покое, и единственным вариантом выбраться было бежать. Из страны. Якобы ребята из той же группировки предложили организовать мое бегство куда-то в Европу. Куда именно – об этом мне даже не следовало знать. И в моем положении мне, естественно, было не до выяснения культурных различий стран Европы.

– Главное, запомни, что по дороге вы ни в какой другой стране не останавливались, – обращал мое внимание Владимир на важные правила зарубежных побегов. – Если шведы узнают, что ты проезжала через Польшу или какую-нибудь Литву, тебя тут же туда вернут. Поэтому ты ни разу не выходила из машины.

Я молча кивала.

Оппозиция

Вы можете себе представить дорогу из Узбекистана в Швецию? Разумеется, я предположила, что я добиралась самолетом. Но оказалось всё гораздо печальнее. Везли меня в грузовике. Бедные беженцы. Наверное, в такой дороге – если её в реальности кто-то проделывал – половина отсеивается где-то между Киргизией и Литвой. Баба с возу – кобыле легче. Ехала я, значит, неделю. А может быть, несколько месяцев? Владимир не уточнил. Он резонно аргументировал, что в подобных путешествиях быстро размываются как временные, так и географические ориентиры. Немаловероятным было бы также исчезновение из памяти даже таких базовых фактов о себе, как имя, возраст и страна рождения.

Разумеется, в дороге я ничего и никого не видела, так как ни разу не покидала своего укрытия, будучи заставлена каким-то товаром. Конечно, даже здоровый мужчина вряд ли выдержал бы такое, что говорить обо мне. Возможно, я была напичкана какими-то таблетками, чтобы все время спать. Но агент заверил меня, что правдоподобность моей истории была не так важна, как мне казалось.

Кое-как пережив этот путь, очнулась я посреди Стокголь-

ма, по счастливому стечению обстоятельств – прямо напротив Миграшки. Ведь пережившим мучительный путь в кузове грузовика в конце концов обычно везет.

Когда речь зашла о государственной миграционной службе, передо мной, так привыкшей к русским сериалам про ментов, сразу предательски замелькали кадры допросов и досмотров подозреваемых. Но непробиваемый Владимир и на это реагировал спокойно, уверяя, что и телефон и документы можно оставить при себе.

Я пыталась возражать. Ведь любой самый поверхностный обыск на два счета выдаст мое происхождение? Он терпеливо объяснял, что это не Россия, и досматривать там вообще никто не будет, просто потому что не имеет права. А там это что-то да значит. В голове не укладывалось все, что я услышала, но мой визави был очень убедителен, поэтому я ему слепо доверяла.

В этой Миграшке, в которую я приду сдаваться, меня ожидало краткое интервью с установлением общих сведений обо мне. Волноваться не следовало, это обычная процедура, твердил мой агент. Вторая беседа – а я намеренно не называла это допросом – будет уже в том месте, куда меня отправят на постоянное проживание. Там мне предоставят адвоката и будут уже расспрашивать с пристрастием и желанием доко-

паться до правды. Здесь я снова напряглась – хотя, справедливости ради, я и не расслабилась ещё ни разу с самого момента моего знакомства с Владимиром, – однако он ещё раз повторил, что никто меня «шмонать» и пытаться не посмеет.

Тогда я совершенно не могла предположить, что спустя пару лет я заработаю точно такие же 100 евро за точно такую же консультацию для очередного искателя приключений. Я буду рассказывать свою историю, свое видение шведского менталитета. И финал у меня будет несколько иной, чем у моего Владимира. Но об этом потом.

Загруженная информацией, я отправилась домой. Мой компьютер удивленно закричал, а мой поисковик заполнился следующими запросами: «традиции Узбекистана», «Самарканд достопримечательности», «еда Узбекистана», «история Узбекистана», «узбекский язык основные фразы», «праздники Узбекистана», узбеки то, узбеки сё и т.д. Я выписывала ключевые факты о моей новой родине. Благо, хотя бы одну вещь отличники умеют делать хорошо – это конспектировать. Исписав кучу листов, я стала ещё беспокойнее. Мне предстояло мало того, что выучить собственную биографию, так ещё и историю новой страны. История – один из самых нелюбимых мной предметов в школе. Цепочка нелогичных, неизвестно кем вызванных событий, которые почему-то всегда ведут к войне – все, что я вынесла из этого

предмета. Единственный период, который мне действительно был интересен, – это период правления Грозного.

Итак, процесс быстрого превращения в узбечку был запущен. За последние месяцы я впитала столько новой информации о таких разных странах как Голландия, Швеция и вот, Узбекистан. Думаю, лишними знания не бывают, и я шутировала свою новую биографию, придумывая и представляя каждый раз все новые детали, пейзажи и события, которые могли случиться со мной только теоретически. Но я никогда не жаловалась на отсутствие фантазии, поэтому постепенно вживалась в роль, с которой мне предстояло выступить.

О жирафах

Скоро мои документы вернулись с Шенгенской визой, и дата моего путешествия была назначена. В моем распоряжении оставалась неделя. Маршрут был сложным: добраться до Санкт-Петербурга на автобусе, потусоваться там в течение дня, затем пересесть на автобус до Хельсинки в составе организованной туристической группы. В столице Финляндии нас ожидала прогулка с экскурсией, после чего мы пересаживались на круизный лайнер, который доставлял нас уже до Стокгольма. Дальнейший маршрут меня не очень интересовал, так как для меня это была финальная остановка, а вообще более добропорядочные туристы продолжали осматривать достопримечательности других стран и городов Европы.

Конечно, это было не так сложно, как бежать из Самарканда в Стокгольм в кузове грузовика в полуобморочном, как я предполагаю, состоянии, однако предстоящая поездка на автобусе и многочисленные дальнейшие пересадки-остановки приводили меня в отчаяние. С моим ростом любой среднестатистический транспорт вообще вгонял в тоску. Всё среднестатистическое мне было мало, давило или заставляло сжиматься. Штаны были короткими, потолки – низкими, расстояния между сидениями – маленькими. Я не помеща-

лась ни в какой транспорт. О том, чтобы устроиться удобно, я не могла и мечтать, но, в основном я не помещалась даже скрючившись в самой неудобной позе. Либо обрезать ноги, либо шею, либо стоять.

Спать сидя я тоже так и не научилась. Даже когда я направлялась в США и мои глаза слипались от усталости и многочасового перелета через Атлантику, я всё равно просыпалась каждый раз, когда у меня открывался во сне рот. Потому что, когда я засыпала, у меня падала голова, которая не держалась на жирафьей шее, рот открывался, глаза – тоже, и это повторялась снова и снова, как какой-то замкнутый цикл. Представляю себе это зрелище с постоянно спадающей башкой и резкими вздрагиваниями – должно быть, мои соседи считали меня больной. Для меня же это была самая натуральная пытка, поэтому всю дорогу до Америки в самолете я смотрела кино, умирая от усталости. А ведь это были комфортабельные места, удобные кресла и возможность выложить конечности в проход. Что со мной будет в почти суточной поездке на нашем автобусе – я представляла себе Икарус – не хотелось даже думать. Вариантов у меня все равно не было. Кажется, с поездами в те времена дела обстояли хуже. Или именно этот проезд входил в стоимость тура – я уже не помню.

За оставшиеся дни сумбурных сборов, поглощенная од-

новременно и Узбекистаном и Швецией, я продолжала общаться с Ларисой и Владимиром. Мне уже назначили агента, который встретит меня в Стокгольме – это была женщина Елена. Не удивлюсь, если её, как и Владимира, в жизни тоже звали Наталья, Дарья или Ангелина... Лариса дала мне её номер, обещала, что та меня ждет. Мы условились, что я должна буду отправить ей смс, когда мы с группой окажемся у городской ратуши в центре Стокгольма. Затем я должна буду сообщить своему gidу, что дальше я не поеду, якобы меня здесь встречают друзья на машине и мы вместе с ними вернемся в Питер.

Я собрала маленький рюкзак, взяв буквально пару вещей. Потому что больше, чем сидеть в транспорте, я ненавидела, пожалуй, только большие тяжелые сумки. Я готова была мерзнуть, не есть, не пить и отказать себе в чем угодно, чтобы только поменьше тащить. Этаким слабый, капризный и замороченный жираф.

Автобус 1

День икс наступил, осеняя меня крестным знаменем, родители проводили меня на автобус. Слезы и волнение были у всех. Также пришла моя подруга, которая считала всю эту затею глупейшей авантюрой, но все равно плакала, обнимала и даже вручила мне какую-то записку на прощание. Начался первый, видимо, самый физически сложный этап моего путешествия. Я воспринимала это как испытание, которое должно проверить мой настрой на прочность. Было бы очень смешно год готовить почву для своего отъезда, ждать её с нетерпением, и в итоге, не выдержав транспортных неудобств местных автобусов, выйти где-нибудь за пятьдесят километров от родного города и вернуться. Тогда родители от меня бы точно отказались.

Я сразу заняла два места, нахмурила лицо, молясь, чтобы ко мне никто не подсел. Мне повезло, сумасшедших, желающих сутки трястись до Санкт-Петербурга в будний день, оказалось немного. Поэтому на место рядом со мной никто не претендовал, и я надеялась, что ночью мне удастся распрямлять хотя бы по одной конечности по очереди.

Несмотря на невероятные неудобства и абсолютно бес-

сонную ночь, с пути я не сбилась, соблазну остаться на обочине нашей необъятной родины во время санитарных остановок не поддавалась. Зато после этого путешествия я прониклась невероятным уважением к тем людям, которые постоянно ездят на автобусах из самых отдаленных уголков России на юг целыми семьями. Я уверена, что они обладают каким-то скрытыми недоступными мне качествами, или, например, пьют всю дорогу. Потому что я по прибытии в северную столицу сама себе казалась каким-то бесчувственным оладиком, совершенно разбитым, усталым и бесформенным.

Питер

К слову говоря, это был мой первый и пока единственный визит в Петербург. Но я настолько волновалась перед предстоящим мне испытанием и была так физически сломлена нашими дорогами и автобусами, что я потом продолжала с чистой совестью считать, что Питер я так и не посетила. Даже побывав в десятках стран и городов мира, я долгое время так и оставалась тем самым человеком, который не видел нашу северную столицу. Забегая далеко вперед, спешу оправдать себя, что такую непростительную брешь в культурно-географической части своей истории я-таки залатала. И этот город я все же увидела, потрогала, расчувствовала, распробовала и насладились в полной мере... гораздо-гораздо позднее. Хотя здесь я тоже лукавлю, ведь чтобы получить полное представление о Санкт-Петербурге, конечно же, не хватит и года, поэтому те скудные крупинки впечатлений, которые я успела поймать за короткие пять дней моего путешествия туда, – лишь заправка, аперитив, достаточный, чтобы захотеть вернуться туда снова и увидеть ещё музеев, улиц, площадей, мостов и таких уютных пышечных...

Не замечая тогда никаких красот Питера, я помню, как почему-то упорно пыталась избавиться от русских наличных

рублей, тратя их в в попадавшихся мне на пути кафешках. Я не хотела ни есть, ни пить, но продолжала скидывать наличку, как будто я наркодилер с меченными купюрами. Учитывая, что я оставляла при себе и паспорт, и банковскую карту, и телефон, попытка избавиться от бумажных денег выглядела крайне глупо. Но в моем взвинченном состоянии это было простительно. Под раздачу попали совместно с Владимиром составленные черновики моей биографии, которые я разрывала и раскидывала по разным мусоркам уже перед самым отъездом в Хельсинки, – это основное, что я запомнила об этом красивейшем городе. Ни мостов, ни окружающих памятников архитектуры я просто не видела. Накапывал дождь, и моим единственным желанием было прилечь. Я бесцельно бродила, пока мой мозг метался из Узбекистана в Швецию и обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.